

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. В. Чеснов

НАЗВАНИЕ НАРОДА: ОТКУДА ОНО!

Что означает название народа!

Любознательного человека часто интересует этот вопрос. Может быть, и вы задавали его себе или кому-нибудь другому. В названии некоторых народов иногда звучит что-то знакомое, понятное. Так, многие скажут, что поляки — это «люди полей», а гуралы, живущие в Польше в горной местности, — это «люди гор», «горцы». В сущности все правильно. Однако, строго говоря, название любого народа означает только одно: определенный народ, и ничего больше. Ни то, в какой местности он живет, ни то, какой он, ни то, чем занимается. На вопрос, что означает слово *поляки*, можно ответить, что это древний славянский народ. Характеризовать его можно по-разному. Так, можно сказать, что поляки дали миру Коперника и Шопена, много других ученых, писателей, артистов; что они отличаются веселым и гордым нравом или восторженным отношением к женщине. Но поскольку мы обратились сейчас к этнонимике — науке о названиях народов, — нас интересует не это. Мы хотим выяснить, как произошло данное название, какое значение имело оно при своем возникновении. Эта проблематика составляет предмет исторической семантики. Добавим еще, что, задумавшись о связи названия *поляки* с полем и выделив суффикс *-к*, обозначающий в славянских языках национальность и жителя какой-либо территории (*словак, туляк*), мы проделали небольшое этимологическое изыскание. По поводу этнонима *поляки* нужно уточнить, что он восходит к названию одного из древнепольских племен VIII—IX вв. — *полян*. Оно звучало примерно так же, как и название народа, жившего на Днепре и основавшего Киев.

Можно было бы представить, что этноним *половцы* (сами себя они называли *куман* и *кипчак*) также указывает на обитание этого народа в поле. Но, увы, это не так. Истину установило несколько поколений наших и зарубежных тюркологов. Оказывается, слово *половцы* имеет ту же историческую семантику, что и *сорочины*, как по-другому в Древней Руси называли тот же народ. Оба интерпретируются как «желтые», только первое восходит к древнерусскому слову *половый* («желтый»), а второе — к тюркскому слову *сары* (тоже «желтый»). Причем здесь «желтый» обозначает не цвет волос или кожи, а принятое в кочевом мире цветовое обозначение части света. В данном случае это центр, который у многих народов считался самостоятельной частью света. Нужно сказать еще, что на Руси слово *сорочин* часто путали с *сарацин*. Сарацинами в Визан-

ти называли турок и арабов¹. Примером с половцами мы хотим показать, что этимология — одна из сложнейших и ответственных отраслей языкознания. Ведь при анализе слов вскрывается история не только языка, но и народа.

Есть названия народов, которые в русском языке сразу обнаруживают свою историческую семантику, настоящую или ложную. Украинцы действительно стали называться так потому, что жили у самого края области, освоенной оседлым земледельческим населением, дальше которой простиралось «дикое поле». Однако это слово не сразу получило отчетливое этническое содержание, первоначально так называли и южнорусское население. Тем не менее этимология слова *украинцы* совершенно понятна. Другой пример — *немцы*. Кажется, тоже все понятно: «не умеющие говорить по-нашему, вроде как немые». Такое объяснение существует и в науке. Но, по-видимому, больше оснований считать, что в славянские языки название «немцы» попало от одного из древнегерманских племен, которое римские авторы называли *Nemetes*. Кстати, данные ряда индоевропейских языков дают основание это слово толковать как «бродячие», «кочевники».

Итак, лингвистический анализ помогает выяснить историческую семантику этнонимов, их изначальное значение. Старое, потому что в прошлом эти слова могли и не обозначать еще определенного народа, т. е. были именами нарицательными, а не именами собственными.

Как известно, имя собственное только обозначает объект, не указывая на какие-либо его качества. Украинец Коваль, англичанин Смит или немец Шмидт могут вовсе и не заниматься кузнечным ремеслом, но носят такую фамилию. То же и с именами. Правда, как показывает антропонимика, иногда имена детям дают, желая, чтобы в них развились особые черты характера (Фидель — верный, Людмила — милая людям). Но часто имя не отвечает характеру человека (наш знакомый по имени Лев человек скорее мягкий, чем грозный). В принципе же имя собственное не должно сообщать специфических атрибутов того, что оно обозначает. Этноним, повторяем, — название народа, а не характеристика его. В этнониме, выражаясь языком лингвистики, исчезает мотивированная характеристика. Выше, на примерах с поляками и украинцами, мы показали, что историческая семантика, прошлое значение этнонима еще могут оставаться понятными и в нашу эпоху. Если спуститься на несколько столетий в глубь истории по следам слова *украинцы* и проследить еще более долгую жизнь слова *поляки*, мы обнаружим, что было время, когда эти слова еще только превращались из нарицательных в имена собственные.

В этнонимике, науке об этнонимах, задача проследить превращение термина из нарицательного в имя собственное — важнейшая не только в плане историческом. Она встает также при анализе названий жителей определенных областей. Такие названия, как казаки, поморы, сибиряки, не обозначают особого этноса. Это этнографические группы, которые имеют местные хозяйственные и бытовые особенности. Некоторые этнографические группы возникали на основании сословных различий, как, например, однодворцы в южнорусских районах.

В эпоху феодализма преобладало областное, территориальное самосознание, было много мелких этнографических групп. Замкнутость, характерная для земледельческого быта того времени, способствовала сохранению даже в отдельных селах своеобразных обычаев, нравов и особых черт культуры.

В России и в XIX в. эти различия еще явственно ощущались. Например, по форме шапки или по женской одежде можно было узнать не только губернию, откуда родом человек, но чуть ли не уезд. Вспомним,

¹ И. Г. Добродомов, Из древнерусской этнонимии. Древнерусское Сорочининь и греческое Σαραηνός, «Сов. этнография», 1966, № 3.

как в «Истории села Горюхина» А. С. Пушкин с юмором характеризует обитателей этого села, отмечая особенности их быта, исполнение песен, сочиненных Архипом Лысым, и пр. Даже язык горюхинцев был своеобразным: «Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако же великороссиянину легко понять горюхинца и обратно». Лишь капитализм, буржуазные революции и развернувшееся в более поздние эпохи национально-освободительное движение окончательно заменили областное самосознание общенародным. *Поморы и сибиряки*, точно так же как *москвичи, воронежцы, туляки* — это группы русского народа, получившие название по месту проживания. Некоторые исследователи склонны видеть в территориальных наименованиях жителей микрорегionalными². Но туляки никогда никаким микронародом не были, что не мешает, конечно, им гордиться своим городом и областью. Этнографические группы, к сожалению еще мало изученные, образуют как бы внутреннюю структуру народа (этноса). Один французский ученый, взяв за пример человека, родившегося на юге Франции, в гористой Гаскони, выделил у него 19 этнических оболочек, относя его к «этнической общности» деревни, долины, Гаскони, Франции, Западной Европы и даже к «североатлантической общности»³. Но это было сознательным доведением проблемы до абсурда в целях выяснения границ понятия «этнос». Роль этнических групп как элементов структуры этноса обычно четко прослеживается вплоть до развития капитализма. Например, накануне Великой Французской революции жители провинций Наварра, Беарн и других считали себя не французами, а отдельными «народами». Интересно, что Жанна д'Арк, родившаяся в Лотарингии, рассказывала, будто она услышала голос с неба: «Иди во Францию». В ее эпоху Францией считался по существу лишь Иль де Франс, домен короля. Причем в ту эпоху, кроме французов, самостоятельной народностью во Франции были провансальцы. Но впоследствии и они слились с французами, стали этнографической группой этого народа. Население же Иль де Франса не только вошло в состав французской нации, но и передало ей свое название.

Жизнь этнографических групп всегда неотделима от истории народа, в который они входят. Часто название одной из них переходит на весь этнос, как название жителей Иль де Франса перешло на всех французов. В происхождении названий русских, украинцев и белорусов действовал такой же механизм: нам представляется, что в данном случае эти названия возникли как своеобразное отражение самосознания древнерусской народности. В XIV—XVI вв. ее уже не существовало. Но население северных земель, где зародился мощный очаг государственности, считало себя восприимчивыми древнерусского государства и поэтому продолжало называться русскими. Украинцы и белорусы воспринимались как части этой древнерусской народности, т. е. как ее этнографические группы. Это обстоятельство определило хотя и разную формально, но близкую по своей логике этимологию названий *украинцы* и *белорусы* — и то и другое означает часть древнерусской народности. Правда, в отношении Белоруссии и белорусов до сих пор точно не выяснено, почему установилось название, связанное со словом «белый».

В рассмотренном примере с тремя близкими восточнославянскими народами запоздалое самосознание древнерусской народности уже не отвечало действительности. Все три народа с самого начала формировались

² См., например, Е. В. Ухмылина, Названия и прозвища русского населения Горьковской области, сб. «Этнонимы», М., 1970, стр. 254—265.

³ G. de Rohan-Csermak, La notion de «Complexe européen», «Ethnologia Europaea», Paris, 1967, vol. 1, № 1.

самостоятельно на основе предшествующего субстрата. Но появление их названий прослеживается совершенно четко через названия этнографических групп. В терминах *украинцы* и *белорусы*, как и в большинстве аналогичных, на первый план выдвигался территориальный признак или культурный, но обозначающий какую-то местную особенность. Мы обращаем здесь внимание на взаимосвязь, соотношенность этнонимов *русские*, *украинцы* и *белорусы*.

Такая соотношенность бывает выражена и по противопоставлению. Когда люди называли себя «народом лесов» или «народом полей», они исходили из идеи общего равенства в рамках культурного или языкового единства, не имеющего четких границ. Во всех этих случаях обнаруживается характерное противопоставление типа «горцы» — «жители низин», а в случае с этнонимами, означающими «человек», — противопоставление «чужим», «врагам», «нелюдям». В этнонимике действует тот же «закон ряда», который сформулирован для топонимики В. А. Никоновым. Суть его заключается в том, что «... названия не возникают в одиночку, они соотношены друг с другом, они стоят как бы в ряду названий, коротком, это пара названий, или более длинном»⁴. «Закон ряда» нужно всегда помнить, занимаясь историей этнонимов.

Древнейшие этнонимы (предэтнонимы)

Из всех существующих ныне народов аборигены Австралии в наибольшей мере сохранили следы того прошлого, которое было пройдено человечеством. Исследователи установили, что основная общественная единица у австралийцев — это локальная группа. В качестве названия такой группы бытует название местности. А последнее дается по тому или иному растению, минералу и т. д. То же самое мы встречаем у андаманцев, живущих на островах Индийского океана. Они, как и австралийцы, занимаются охотой, рыболовством и собирательством. Охотники семанги в девственных лесах Малакки называют свои разрозненные общины по деревьям, дающим яд для стрел.

У эскимосов (к этому этнониму мы еще вернемся) каждая отдельная группа носит название, образованное от названия местности, в которой она проживает, и слова *миут* (*миут*), обозначающего «люди». Само название местности указывает на те или иные ее полезные ресурсы. Одна из групп канадских эскимосов называется *уткухикалинэмиут*, что значит «обитатели земли мыльного камня» (из этого камня они делают жировые лампы для освещения, пользующиеся популярностью у соседей).

У всех перечисленных народов, относящихся к группе хозяйственно-культурных типов охотников, рыболовов и собирателей, не обнаружено устойчивых племен. Так, у австралийцев юго-восточного Квинсленда А. Хауитт насчитал более 20 племен, а Дж. Мэтью — лишь 2. Даже у более развитых ручных земледельцев Новой Гвинеи сплоченных племен не оказалось. То, что некоторые исследователи папуасов называют иногда племенами, представляет собой население в том пункте и в его окрестностях, где работал данный исследователь. В некоторых случаях как этноним вводится слово, которое на местном языке означает «человек». Таково происхождение названия «арапеш», введенного М. Мид. Точно так же поступили в Центральной Австралии Б. Спенсер и Ф. Гиллен, назвав группу, которую они исследовали, *аранда*.

Таким образом, названия у охотников, собирателей и рыболовов, а также у архаических земледельцев выступают еще как нарицательные, они не перешли грань имен собственных. Это скорее предэтнонимы⁵.

⁴ В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, стр. 38.

⁵ Я. В. Чеснов, Ранние формы этнонимов и этническое самосознание, Сб. «Этнография имен», М., 1971, стр. 11.

Также нельзя считать настоящими этнонимами те названия родов, которые в древности носили тотемный характер. Когда роды были основной экономической и общественной ячейкой, не существовало ни народов, ни этнонимов. Роды объединялись во фратрии (братства). Фратрий, как правило, было две. Названия фратрий для нас уже более важны. На одной торжественной церемонии у ирокезов, например, оратор обращался к собранию двух фратрий: «Хо, Инстатунда (люди неба)! Хо, Мгасхегу (люди земли)!». Это тоже еще не этнонимы, но они отражают более высокий уровень группового самосознания. У тлинкитов, индейцев северо-западного побережья Америки, члены фратрии называли друг друга *аххани* (земляк) или *ахгакау* (приятель), а членов другой фратрии — *кунетеканаги* (не наш, чужой), но в глаза их именовали *ахсани* (дядя) или *ахкани* (зять, шурин). У эскимосов члены одного стойбища называют друг друга «товарищ по местожительству». У танайна на юге Аляски то же самое: своих называют «свои», «приятели», членов другой фратрии — «чужие». Даже у банаров, развитого земледельческого народа в Южном-Вьетнаме, население ближайших деревень себя называет *таринг* (свои), других — *тамон* (чужие). Это тоже наследие эпохи родового строя. В Сибири нганасаны друг друга называют *ня* (товарищ по охоте). В широком смысле *ня* означает «народ», «люди». Фратриальные или другие групповые названия психологически подготавливают почву для появления этнонима, но они еще не этнонимы. Характерная ситуация зарегистрирована у аранда. У них есть две группы, которые себя называют *накракиа*, а о соседях говорят как о *мульянука*. Зато соседи себя называют *накракиа*, а эти две группы — *мульянука*.

Древнейшие самоназвания типа «свои», как *ня* у нганасанов, в очень редких случаях стали этнонимами. В этом направлении развивается, например, семантика названия тибетских кочевников-скотоводов — *докпа*. *Док* по-тибетски означает «стойбище» (где живут члены разных родов), *па* — «люди». Общий смысл — тоже «свои». Но *докпа* осталось названием этнографической группы в составе тибетцев.

С исторической семантикой «свои» оправданно связывает этноним *славяне* польский лингвист Я. Отрембский⁶. Этимологию термина он возводит к реконструированному *slou* и суффиксу *-ѣп*. По его мнению, первоначальное значение слова *славяне* — «принадлежащие к одной домашней общине». Член такой общины назывался *sluga*, ее округа — *sloboda*. Я. Отрембский находит то же значение в этнонимах *шведы* (*suiones* у Тацита), *швабы* (*suebi* у Тацита) и *сабиняне* (*sabini*) (название группы племен, с которыми римляне на заре своей истории вели войну). Другой польский лингвист, Ст. Роспанд, выводит этимологию славян от *slav* (влажный), давая этнониму смысл «болотные», «рыболовы низовий»⁷. Н. Я. Марр брал за основу другой вариант написания этнонима славяне, известный в древности, — *склавины* — и видел в нем родство со словом *скифы*. Кроме того, до сих пор иногда делаются совсем не оправданные попытки вывести термин славяне от «слова» и даже «слава».

На наш взгляд, две самые аргументированные точки зрения польских лингвистов не противоречат одна другой. Я. Отрембский вскрывает самый древний пласт развития названия славяне, а Ст. Роспанд рассматривает уже ту эпоху, когда стало проявляться разделение народов по хозяйственно-культурным типам.

⁶ J. Otrębski. Słowiane — rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw, Poznań, 1946.

⁷ St. Rospond, Struktura pierwotnych etnonimów Słowiańskich, «Rocznik Slawistyczny», 1966, № 1.

В советском атласе народов мира выделено 1600 этнонимов⁸. Однако можно утверждать, что в настоящее время бытует в несколько раз больше этнонимов, так как мелкие народы в атласе не показаны, а у многих народов существует не один этноним. А сколько этнонимов донесли до нас из прошлого письменные источники! И вот из всей этой массы огромное большинство названий народов возникло в доклассовую и раннеклассовую эпохи. Языковой различия тогда не играли основной роли. Даже в древнейших рабовладельческих государствах Месопотамии, как отмечает И. М. Дьяконов, народы не выделялись по языку⁹. Зато на первых порах развития отдельных этносов люди обращали большое внимание на хозяйственные и культурные особенности. Психологическое различие по линии «мы» и «они», «свои» и «чужие» выражалось в понятиях, отражающих хозяйственно-культурные типы. Людей, занимающихся северным промыслом морского зверя, соседи могли назвать «морскими людьми», «обитателями землянок или снежных хижин». Такие этнонимы есть, например, у эскимосов. Этноним *бедуин* происходит от арабского слова *беду* — «степь». Ясно, что в этом этнониме предполагается отличие от оседлого населения. Здесь выражен лингвистический закон ряда, который в свою очередь отражает противопоставление по хозяйственно-культурному типу¹⁰. Так бывает всегда. Оседлых приморских коряков на Камчатке кочевые оленеводы-коряки (и они сами себя) называют *нымыльгу* — «жители селения». Оленеводы-коряки называют себя *чавчывав* (оленные). Приморские чукчи, занимающиеся охотой на морского зверя, называют себя *анкалыт* — «морские жители», а тундровые чукчи-оленеводы именуют себя *чавчуват* (почти так же, как называют себя олениные коряки — *чавчывав*). На Амуре есть тунгусоязычная народность — негидальцы, они занимаются рыболовством. *Негида* означает на их языке и языке их родственников эвенков «береговой», «житель берега». Олениные же эвенки, занимающиеся в горных лесах добычей пушнины и мясной охотой, еще недавно себя называли *дункан* — «жители сопок». Еще один пример противопоставления по хозяйственно-культурному типу: оседлые эвенки, живущие около Охотского моря, называют себя *мэнэ, мэнэл* — «живущие на одном месте», а те, что кочуют с оленями, — *орочел* «олениные». Мы привели несколько примеров, чтобы показать, что этнонимы, возникающие по хозяйственно-культурному типу, отражают очень точно либо ведущую отрасль хозяйства данного народа, либо образ жизни, с нею связанный. «Морские жители» не потому себя так называют, что живут у моря, а потому, что с ним связана вся их трудовая деятельность. И еще запомним, что такой этноним направлен на выделение народа из среды окружающих его соседей. У многих этнонимов, образованных по хозяйственно-культурному типу, можно обнаружить «партнера». Но часто бывает, что сквозь мглу истории до нас дошел только один из них, хотя совершенно ясно, что такой этноним не мог возникнуть изолированно. Обычно названия этого рода даются соседями.

В этнониме, образованном по хозяйственно-культурному типу, в разных случаях берется разный признак. Так, у византийского автора Прокопия Кесарийского сохранилось упоминание о саамах (лопарях), живущих на севере Скандинавии. Он называет их *скритифиони*. Другие древние авторы называют их *фении*. Первая часть этнонима, сообщенного Прокопием Кесарийским, разъясняется с помощью норвежского

⁸ «Атлас народов мира», М., 1964.

⁹ И. М. Дьяконов, Народы древней Передней Азии, «Переднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIX, М., 1958, стр. 5—6.

¹⁰ Я. В. Чеснов, О социальной мотивированности древних этнонимов, сб. «Этнонимы», М., 1970, стр. 46—50.

языка и указывает на хождение на лыжах. Если эскимосы обязаны своим названием обычаю есть сырое мясо («те, кто ест сырое мясо» на языке их соседей-индейцев), то имя индейского племени *ассинобойнов*, живущего в Северной Америке, переводится как «камневарители» (по древнему обычаю готовить пищу с помощью горячих камней). Народ *бондо* (обнаженные) в Индии получил свое название из-за скудности их одежды. Однако этот народ предпочитает самоназвание *ремо* (люди). А вот названия *каракалпаки* и *карапахи* (черные шапки) широко употребляются в СССР и в Турции. Очень много встречается народов, называющих себя «горцы». Например, одно из самоназваний ингушей — *ламур* от *лам* — «гора». То, что в этнонимах, образованных от названия местности, где обитает народ, нужно видеть определяющее воздействие хозяйственно-культурного типа, доказывают два примера. Одно из названий кумыков — *тузликер* («жители низин»), название части литовцев *жемайты* также означает «жители низин». Но в одном случае в этнониме отражен равнинный вариант хозяйственно-культурного типа, представленного в Северном Дагестане, в другом — тип хозяйствования в низменных, обильных озерами и реками районах Литвы.

Прозрачна этимологическая семантика в названиях многих народов Сибири. *Селькуп* означает «таежный человек», долганы себя называют *тыя кисите* («лесной человек»), а лесные энцы именуют себя *пэбай* или *муггади* (отсюда Мангазея) — «лесные». Те эвенки, которые в Забайкалье перешли к скотоводству, называют себя *мурчен* («конные»), а те, которые используют в качестве транспорта собак, — *хундысал* («хозяева собак»). Но у большинства народов, использовавших верховых оленей для транспорта, широко бытовал этноним *орочен* («оленные»). Этот же смысл в этнониме *ороки* и самоназвании *ульта*, в этнониме *ульча*. Та часть эвенков на Амуре, которая вела оседлый образ жизни и занималась рыболовством и морским промыслом, называлась *кумачеч* (от *кума* — «нерпа»).

Здесь нет никакой возможности даже кратко упомянуть разнообразные и яркие этнонимы, связанные своим происхождением с хозяйственно-культурными типами в Юго-Восточной Азии, Китае, Индии, Африке и в Америке. Этим названиям нет счета.

Уже древние авторы пытаются связать название того или иного народа с типом его хозяйства. Так, у Тацита варварские народы Европы были отнесены либо к Германии, либо к Сарматии в зависимости от того, занимался ли данный народ в основном земледелием или скотоводством. Следуя своей логике, он отнес венедов, возможных предков славян, живущих оседло, к германцам и сделал ошибку. Мы бы сказали по этому поводу, что хозяйственно-культурные типы, разделяя мелкие общности, отдельные народы (да и то в начальные периоды их существования), не разделяют большие этнолингвистические общности, какими являлись германцы и славяне.

В древности отдельные части складывающихся народов (то, что мы сейчас называем этнографическими группами) часто различались по хозяйственно-культурному типу. В «Повести временных лет» упомянуты *поляне* и живущие по соседству с ними *дреговичи* и *древляне*. На территории полян находился Киев. Это была хорошо освоенная местность с пахотными полями. Дреговичи и древляне жили в лесах, на что указывают и их названия. Правда, чаще считают, что название *дреговичи* происходит от названия болот в Полесье. Я. Отрембский же с большим основанием доказывает происхождение названия этого племени от *дрезны* («дерево», «хворост»).

Еще в более древние времена, во II—III вв. н. э., из Скандинавии в южные районы Европы хлынул поток многочисленных германоязычных готов. Они проникли даже в причерноморские степи, и их потомки жили зплоть до XVI в. в Крыму и на Тамани. Это остготы. Другая же их часть,

вестготы, дошла до Испании и даже до Африки. Территориальное и хозяйственно-культурное обособление готов отразилось в том, что ушедших на запад называли еще *тервингами* («лесные жители»), а ушедших в степи — *грейтунгами* («степные жители»).

Из еще более седой старины доходят до нас сведения Геродота о населении причерноморских степей. Там жили скифы; себя они называли *сколотами* или *паралатами*, а персы именovali их *саками*. Скифы были в основном скотоводами. Установлено, что их язык принадлежал к иранской ветви. Этим названиям давали самую различную интерпретацию. Наконец, голландский ученый А. В. ван Виндекенс нашел для их этимологии верный семантический круг. Прежде всего он вывел саков от иранского *спака* — «собака». Этому этнониму давался смысл «стража стада». Отсюда стала понятной этимология *скифов* и более позднего индоевропейского народа *кушанов* от глагола «наблюдать», «сторожить»¹¹. Этимологии разные, а смысл один. Нужно сказать, что у иранских народов собака пользовалась огромным уважением; она была их тотемом. По их верованиям, собака сопровождала душу умершего в загробный мир. По легенде, сообщаемой Геродотом, персидского царя Кира воспитала кормилица по имени Спака. Исследователи с полным основанием видят здесь тот же тотемный миф. Это соотносится с делением скифов, по Геродоту, на скифов-скотоводов и скифов-земледельцев. Прокопий Кесарийский сообщает, что склавинов и антов, предков славян, называли общим именем — *спорами*. Это тоже «плужники». Несколькими веками раньше у германцев Тацит упоминает племя *Reudigni*. Ученые доказали, что это название происходит от термина, означающего «выкорчевывание леса». В современном немецком языке *die Rodung* — «выкорчеванное место». Реудигнии занимались подсечно-огневым земледелием в широколиственных лесах на севере Германии.

Во всем мире встречается много этнонимов, идущих от названия пахотного орудия или поля. Но эта связь не всегда ясна. В Камбодже живет небольшой народ, который называется *самрэ*. Основные жители страны, кхмеры, воспринимают это слово как «татуированные» и объясняют это тем, что линии татуировки у самрэ будто бы напоминают борозды на заливном рисовом поле, называемом *срэ* (словообразовательный инфикс в мон-кхмерских языках). *Самрэ* — древний народ, исконно занимающийся рисоводством. В соседнем Вьетнаме на юге страны есть народ *срэ*, который отличается от своих горных соседей, ведущих подсечно-огневое земледелие, именно орошаемыми полями. Древние термины получают, как видим, новое осмысление. В старом феодальном Таиланде национальные меньшинства всячески третировались. Зато этноним основного населения страны *тай* (или *кхонтаи*) верхушкой общества интерпретировался как «свободные» и даже «великие». У других же небольших тайских народов, живущих в Лаосе и на севере Вьетнама, *тай* совершенно ясно воспринимается как «плужники». Аналогичное, пожалуй, развитие претерпел этноним *ариш*, который многие тысячелетия назад означал «пахари», а затем стал названием господствующего народа в древней Индии. Все это свидетельствует о том, что историческая семантика этнонимов развивается; на разных этапах в термин вкладывают различный смысл, определяемый социально-экономическим и культурным развитием.

«Товарищи по охоте» превращаются в «товарищей по оружию»

Знаменитый этнограф-сибиревед Л. Я. Штернберг обратил внимание на то, что у отсталых народов «человеком» называется только соплеменник. Все другие люди казались страшными чудовищами, нелюдьми. По-

¹¹ A. J. van Windekens, Encore sur les noms des saces et des scythes, «Beiträge zur Namenforschung», Jg. 4, 1963, S. 89—100.

этому, говорил Л. Я. Штернберг, многие народы принимают в качестве самоназвания слово «человек»¹². Л. Я. Штернберг показал, что самоназвание нивхов *нивух* означает «человек», но в более узком смысле — «односельчанин», «из моей деревни», а слово *нани* (например, в самоназвании нанайцев) имеет значение «из этой земли», «здесьний». Как видим, семантика развивается от конкретного к общему. Недаром у одного народа Севера слово «отец» буквально означает «кормилец детей». Функциональное происхождение такого термина может разъяснить другой пример. У одной из австралийских групп слово *нгалинья* означает «женщина», а происходит оно от *нгали* — название мочала из луба, которое женщины кладут на бедро, чтобы меньше резал край ладьеобразного корытца. В нем на переходах несут ребенка, этим же корытом роют землю, собирают в него корни; нгали — символ всей женской работы у австралийцев. В древнейших этнонимах, или предэтнонимах, отражен лишь намечающийся прогресс к родовому самосознанию. Дальнейшая ступень — когда слово «человек» стало относиться ко всей этнической группе. Но насколько ограничена еще эта мысль! И в поведении народов, осознававших людьми только себя, это представление, к сожалению, находило соответствующее выражение. Эпоха, когда термины «человек», «люди» превратились в этнонимы, следует за той, когда стали выделяться хозяйственно-культурные различия. С представлением о людях только как о себе в жизнь входит враждебное отношение к соседям. Общество идет к строю военной демократии, к рубежу, за которым рождаются классы и государство. Эпоха матриархата осталась далеко позади. Не случайно слово «человек», образующее этноним, иногда имеет другое значение — «мужчина»: так, слово *энэте*, от которого образовано название *энцы*, означает «человек», «мужчина»; то же относится и к названию кетов. У части ненцев (их этноним означает «человек») есть другое самоназвание — *хасава* — «мужчина». Такой же смысл несет самоназвание *хор*, *хоро* у народов мунда в Индии.

Этнонимы со значением «человек», «люди» удержались у многих народов мира. К этому слою восходит самоназвание немцев *Deutsche* (от древнего *diot*, *diota*), согласно некоторым мнениям, этноним *тюрк* и др.

В истории разных стран становление классового общества было связано с эпохой военной демократии, постоянных вооруженных столкновений, военных союзов и переселений народов. Ясно, что в таких условиях этноним «человек», «люди», если он сохранял понятную этимологию, выглядел слишком претенциозным. Но эта эпоха не уничтожила этноцентризма с его пренебрежительным взглядом на иноплеменников. Рождаются другие этнонимы, но в том же духе.

В первые века нашей эры Рим все больше дряхлеет. Над ним нависает внешняя опасность в лице варваров, прежде всего германцев и славян. Мелкие племена варваров объединяются в военные союзы. Это хорошо организованные воины, подчинившие всю свою жизнь превратностям войны. И вот вместо разрозненных племен, которых римляне знали как хаттов, хашавов, батавов, сугамбров, атауриев и др., к 258 г. перед властителями мира встает союз *франков*, что значит «свободные». Известны и другие союзы германцев — *саксы* («товарищи по оружию»), *алеманы* («все мужи»). Варварам суждено было покончить с Римской империей, заселить ее земли и стать основой новых европейских народов. Исключительный ли это случай? Нет. Во многих странах мира приблизительно с III в. н. э. народы проходят стадию так называемой военной демократии.

В некоторых районах этот процесс шел позднее. Л. Г. Морган, собиравший материал об американских индейцах в середине XIX в., сообщает

¹² Л. Штернберг. Человечество, «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, СПб., 1903, т. 76, стр. 486.

о племенах чироков, называющих себя *тсэло-ки* («великий народ»), *сенека*, самоназвание которых *нун-да-вэ-о-но* («великий народ холмов»¹³). Такой род этнонимов мы предлагаем называть *манifestационным*. Общество ирокезов не пошло дальше военной демократии. Но у франков Карл Великий, их король с 768 г., создал обширную империю в войнах против баварцев, саксов, арабов, славян и др. Он основал династию Каролингов. Известное во многих европейских языках слово «король» происходит от этого названия. По имени же Лотаря II, внука Карла Великого, было образовано название *Лотарингия*.

Перенесение имени феодала или династии на народ — распространенная форма манифестационных этнонимов эпохи феодализма. Так, *османы*, старое название турков, происходило от имени правителя удела в государстве сельджукидов (середина XIII в. — середина XIV в.). *Турок* относилось тогда к труженникам-крестьянам и имело у аристократов смысл «мужики», «темный народ». *Ногайцы* получили название по имени Ногая, крупного политического деятеля Золотой орды конца XIII в., узбеки — по имени Узбека, золотоордынского хана XIV в. Правда, некоторые авторы предполагают, что сам Узбек получил имя, в котором отразилась память о народе *узы* (*озы*), жившем на территории Средней Азии в древности. Койбалы, ныне исчезнувший сибирский народ, назывался по имени владетеля Койбала (XVII в.). Теперешнее название китайцев у англичан, французов, немцев и других европейцев восходит к названию древней династии Цинь. Зато самоназвание китайцев *хань*, *ханьжень* идет от названия другой династии — Хань (II в. до н. э. — III в. н. э.). Русские же называют китайцев по имени их средневековых северных соседей — киданей (по-видимому, монголоязычных).

Как видим, со времен военной демократии манифестационные названия часто становились самоназваниями, сознательно выбираемыми или получавшими распространение под давлением господствующей власти. По происхождению (этимологии) эти названия могут быть самыми различными.

В истории мы часто встречаемся с тем, что феодальные дружины и правитель в государстве были чужеземцами. Сколько осложнений эти факты породили впоследствии для историков! Некоторые расценивали приход такой дружины как доказательство чужеземной основы государства. Мы хорошо знаем эту точку зрения по норманской теории относительно Руси. И по поводу происхождения самих слов *Русь* и *русские* велась, да и сейчас еще ведется, дискуссия¹⁴. Все гипотезы сводятся к двум: местные они или заимствованные. Д. И. Иловайский выводил *Русь* от названия аланского племени *роксоланы* (эпоха понтийского царя Митридата IV Евпатора — II в. до н. э.). Акад. Б. А. Рыбаков связывает *Русь* с топонимом — названием реки Роси (Оскол), притока Днепра. Другая точка зрения исходит из наблюдения, что термин *Русь* появился сначала на севере восточнославянских земель и затем распространился на более южные земли. Во II—III вв. в южной Прибалтике было известно племя *руги*. Кем они были этнически, трудно сказать; жили они на смежной территории балтов, славян и германцев. В V в. руги известны уже на среднем Дунае. Движение ругов аналогично переселениям на юг других северных народов, например уже упоминавшихся готов. О возможности этимологической связи Руси с ругами говорят некоторые документы, где княгиня Ольга именуется правительницей ругов. А. И. Попов и другие развивают северный вариант происхождения названия Русь. Они исходят из того, что финны и карелы термином *руотси* называли то шведов, то русских. Этот термин ведут от *рутсменов* («весельные люди») или *рутскарлов* («гребные воины»), названий дружинников у варягов.

¹³ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 67.

¹⁴ См. подробнее А. И. Попов, Названия народов СССР, Л., 1973, стр. 47, 57.

Допускают также, что на Киевщине это слово слилось с *рос*, *росомонам* (готское племя) и, может быть, с другими этнонимами, бытовавшими там в древности. Приведа эти гипотезы, мы обнаруживаем, что этноним и топоним *Русь*, по-видимому, носил вначале манифестационный характер, будучи названием верхов, тех, кто брал дань. Еще раньше — это название людей, сделавших военные набеги на судах своей профессией. А. И. Попов правильно замечает, что в случае с Русью произошло то же, что и с другими заимствованными в другой языковой среде этнонимами. Более чем 1000 лет назад слово *русский* стало наполняться тем содержанием, которое давала ему активная хозяйственная, политическая и культурная жизнь древнерусской народности. Из нее потом вышли современные русский, украинский и белорусский народы. Два из них сохранили древний этноним, дав ему новое содержание. Так меняется историческая семантика этнонима.

Судьба этнонима

Главное, чему посвящена эта статья, — идея развития семантики этнонимов. Отправной пункт этого развития — имя нарицательное, конечный — имя собственное. Как в рассмотренном уже слове *славяне*: от понятия «свой», «общинники», через «болотные», «рыболовы низовий» к этнонимам братских народов *словенцев* и *словаков*.

Пример со славянами относится к самоназваниям. Точно так же меняется и содержание названий народов, даваемых им другими. На Руси до XIX в. термин *татары* относился ко многим восточным народам. В эпоху Петра I *немцами* называли, кроме немцев, голландцев и датчан. В быту это сохранилось дольше. Н. В. Гоголь в примечании к «Ночи перед Рождеством» от лица пасечника Рудого Панька пишет: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец». В Турции *франками* до недавних пор называли западноевропейцев. До Великой Октябрьской социалистической революции *киргизами* называли казахов и даже туркмен, а *цыганами* и *греками* — молдаван.

К развитию семантики относится также и кардинальное изменение содержания этнонима, когда этноним переходит с одного народа на другой. Был в древности в Малой Азии народ *хатти*. На каком языке он говорил — неизвестно. Его этноним восприняли победители-индоевропейцы, которые изменили его в *хетты* (II — начало I тысячелетия до н. э.). В VI в. на Балканах на землях разваливавшейся Восточноримской империи расселились славяне. Часть их восприняла через топоним *Македония* древнегреческий этноним *македонцы*. Земли древнего литовского племени *прусов* были заняты немцами, и у последних появилось название одной из их этнографических групп — *пруссаки*. Это конкретная историческая жизнь этнонима, передававшегося через топоним. Ее специально мы сейчас не рассматриваем. А вот перенесение на славян тюркского этнонима *болгары*, на романизированных кельтов — германского этнонима *франки*, на фракоязычных даков, а также гетов — этнонима *римляне* (*румыны*) — все это примеры другого рода. Эти манифестационные названия появились в результате сознательного расширения их первоначального смысла.

Проблемы исторической семантики этнонимов заключаются в ее связи со всей многообразной жизнью народа. Этнонимы это доказывают также тем, что они становятся названиями профессий, каст и т. д. Этого вопроса мы уже касались, когда говорили о дискуссии по поводу названий «Русь» и «русские». В силу тех же законов, когда этноним нес определенный социальный знак, в эстонском языке слово *saks*, обозначавшее первоначально немцев (вспомним племенной союз саксов), стало нарицательным со значением «барин», «господин». В Индии же название пле-

мени *байга* стало синонимом слов «жрец» и «колдун». Название племени *агария* стало обозначать касту кузнецов. Имя собственное превратилось в нарицательное. Это иногда случается. Иоганн Себастьян Бах происходил из такого старого и знаменитого рода музыкантов, что в местности, где они жили, их именем называли вообще всех людей этой профессии. Подобным образом в немецком языке появилось слово *der Hüpe* — «великан» (по имени народа *гунны*), в чешском *obg* — с тем же значением (от *обров* — аваров), в грузинском *гмири* («богатырь», «исполин», «герой» — от названия народа *киммерийцы*, предшественников скифов в причерноморских степях). Русское слово «кумир» оказывается родственным грузинскому «гмири».

Итак, что значит название народа? Только конкретный народ. Но для лингвиста, историка, этнографа и даже психолога этноним — бесценный исторический документ, который способен рассказать очень многое.
